

«НОВАЯ ЭТИКА» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Ирина Александровна Тульпе¹, Михаил Юрьевич Смирнов²

^{1,2} Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

¹ tulpei@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7010-6175>

² m.u.smirnov@lengu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1749-3003>

Аннотация. Объектом рассмотрения является мораль как форма общественного сознания, а предметом исследования — специфические особенности проявления «новой этики». Авторы акцентируют разнообразие феноменов, включаемых в рубрику «новая этика», а также выявляют диапазон оценочных суждений относительно данного концепта. Актуальность заявленной темы определяется необходимостью определить проблемное поле того, что называют «новой этикой». Ставятся вопросы: является ли «новая

этика» просто модным словосочетанием или в этом концепте отражаются важные изменения, происходящие в жизни современного общества, влияющие на стандарты поведения? «Новая этика» как принцип свободного выбора может видиться антиподом «старой этики» — предписывающей нормы поведения, которые интериоризируются на уровне культурного бессознательного в процессе социализации индивида. Обращено внимание на выводы Э. Нойманна, писавшего о «новой этике» вскоре после Второй мировой войны, где обосновано право индивида на ответственное этическое решение в условиях неосуществимости любых предписаний «старой этики». Неклассическое осмысление моральной проблемы предлагает также российский философ К.А. Свасьян, подчеркивающий лично-индивидуальную основу «жизнеспособной морали». Результатом исследования является признание возможного онтологического статуса «новой этики», вводящей в нравственную проблематику новые аспекты меняющегося социального бытия человека — не «человека вообще», а конкретного индивида «здесь и сейчас». «Новая этика» рассматривается не только как протест против навязываемого социумом безличного культурного бессознательного, но и как опыт индивидуально-субъективного переформатирования общественной морали. Идеи человеческого достоинства и уважения к личности, давно обсуждаемые моральной философией, переходят из теоретической сферы в практическую.

Ключевые слова: «новая этика», индивид, общество, мораль, стили поведения, традиционные ценности, социальный диагноз

Для цитирования: Тульпе И.А., Смирнов М.Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 30–38. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38>

Research article

NEW ETHICS AS A SOCIAL DIAGNOSIS

Irina A. Tulpe¹, Mikhail Yu. Smirnov²

^{1,2} Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia

¹ tulpei@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-7010-6175>

² m.u.smirnov@lengu.ru <https://orcid.org/0000-0002-1749-3003>

Abstract. The object of the study is morality as a form of social consciousness, while its subject is the specific features of the manifestation of *new ethics*. The authors analyze the variety of phenomena included in the *new ethics* concept (each involves different groups of actors), and also identify the range of value judgments regarding this concept. The relevance of the topic stems from the need to determine the problem area of what is called *new ethics*. The questions raise: is the *new ethics* just a fashionable phrase or does this concept reflect important changes taking place in the life of modern society that affect the standards of behavior? Special attention, according to the authors, should be paid to the conclusions of E. Neumann, who wrote about the *new ethics* shortly after the Second World War, arguing for the individual right to a responsible ethical decision in the face of the impracticability of any old ethics prescriptions. A non-classical interpretation of the moral problem is suggested by K. A. Svasyan, who emphasizes the personal-individual basis of *viable morality*. The *new ethics* as a principle of free choice can be seen as the opposite of the old ethics-prescriptive norms of behavior that are internalized at the cultural unconscious level in the process of individual socialization. A new ethical problem is emerging in a new — post-industrial, digital — era. This implies not only transformation of interpersonal communication skills, but also a changing (or disappearing) image of the working person. However, in some cases, the *new ethics* freedom to choose is limited to the adoption and implementation of new etiquette prescriptions. The result of the research is the recognition of the possible ontological status of the *new ethics*, which introduces new aspects of the changing social life of an individual into the moral problematic — not a *person in general*, but a specific *here and now* individual. The *new ethics* is considered not only as a protest against the impersonal cultural unconscious imposed by society, but also as an experience of individual and subjective reformatting of public morality. The ideas of human dignity and respect for the individual, which have long been discussed by moral philosophy, are moving from the theoretical sphere to the practical one.

Keywords: *new ethics*, individual, society, morality, behavioral styles, traditional values, social diagnosis

For citation: Tulpe, I. A., Smirnov, M. Yu. (2022) 'New Ethics as a Social Diagnosis', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 30–38. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38>

Постановка проблемы

«Новая этика» — не научный термин, но уже вполне устойчивое словосочетание, под «зонтиком» которого собираются разнообразнейшие феномены. Каждый из этих феноменов является или может являться не только сюжетом в журналистике и публицистике, но и предметом различных наук, сосредоточенных на изучении человека в его жизнеосуществлении. Заметим, что имеется в виду не столько «человек вообще», сколько конкретные группы акторов, действующих в современных политических, социально-экономических, культурных обстоятельствах. Как пишет Ален Бадью, сегодня «этика — это или “признание другого” (противовес расизму, который этого “другого” отрицает), или “этика различия” (в противовес субстанциалистскому национализму, который стремится избавиться от иммигрантов, или сексизму, готовому отрицать существо женского рода) или “мультикультурализм” (в противовес предписанию унифицированной модели поведения и менталитета)» [Бадью 2006: 37].

Проблемой, которую ставят авторы данной статьи, представляется установление того, что именно «новая этика» выявляет в жизни современного общества. То есть, имеет ли «новая этика» онтологические основания? Или это лишь терминологический конструкт, говоря словами Пола Мейсона: «характерный прием европейской мысли: придумать категорию и начать применять её ко всему, переквалифицируя всё подряд в подкатегории новой идеи» [Мейсон 2016: 203].

Методология и подходы к исследованию

Академических исследований на тему «новой этики» практически нет (возможно, по причине реального отсутствия предмета), но обсуждаемые в онлайн-

изданиях¹ кейсы дают возможность уловить проблемное поле «новой этики». Оно охватывает обширную тематику: харассмент (MeToo), проявления расового неравенства (Black Lives Matter), а также неравенства гендерного (сексизм) и возрастного (эйджизм), избыточность (или недостаточность) политкорректности, феминистские проявления в социально-экономической и этикетной сферах, экологическую повестку. В рубрику «новой этики» попадают разнообразные аспекты поведения в интернет-коммуникациях, новое потребительское поведение, особое место занимают проблемы биоэтики, нейроэтики, медицинских и генетических исследований (при широком разбросе мнений — от обвинений в покушении на божественное творчество до борьбы за права замороженных оплодотворенных яйцеклеток).

Частью общества «новая этика» принимается как положительный знак современности, как выражение респектабельного либерализма. Для других она выглядит надуманным чудачеством. Или оценивается негативно — как оправдывающая распушенность, вседозволенность, недопустимое попираание традиций и приличий, как манифестирование антиправил, как антимораль.

«Новая этика» — словосочетание, в котором слово *новая* попадает в кавычки, — при том, что кейсы, предъявляемые в качестве новых, содержательно присутствовали в культуре достаточно давно (скажем, исключение нарушителя из публичной и профессиональной сферы — так называемая «культура отмены»; или, например, кажущийся навязчивым способ презентации какой-либо «повестки», ведущий к тоталитаризму, ограничению свобод на разнообразные высказывания). В объём понятия «новая этика» попадают как политкорректность, так и — как своего рода реакция на неё — демонстративная «новая искренность» (говорю, что думаю и чувствую, имея на это естественное право и не ограничиваю себя в его реализации, и не

¹ Например, спецпроект научно-популярного Интернет-издания N+1 «Новая этика. Добро и зло в эпоху цифровой революции» (<https://etika.nplus1.ru>) или проект «Новая этика» Интернет-издания «Афиша» (https://daily.afisha.ru/series/768-novaya-etika/?utm_referrer=https://syg.ma)

боясь кого-то оскорбить или обидеть). Отсюда — акценты на расовые и гендерные отношения, а также — на права инвалидов, права животных, права эмбриона и т.д.

Как способ организации межличностных отношений, феномен «новой этики» очевидно описывает векторы их трансформации: «новая этика» в ряде случаев просто «переставляет» в морали знаки плюс и минус (=добро и зло)². Но является ли «новая этика» новой теорией морали, то есть объяснением нравственных проблем с существенно новых позиций?³ Вместе с тем, «ново-этическая» тематика появляется в ситуации, когда последствия внедрения новых технологий⁴ оцениваются не только с позиций общественного блага, но и в плане негативных воздействий и перспектив, а также — в индивидуально-человеческом аспекте. Можно вспомнить проблему ядерного оружия: катастрофические последствия его применения есть «зло», но оно создается во имя «добра».

Нельзя не согласиться, что борьба общего и индивидуального, логического и алогического, пронизывающая жизнь и историю, с наибольшей очевидностью представлена в морали [Свасьян 2014: 131]. Причём в отличие от традиционной культуры, где обособление индивидуального субъекта происходит на базе субъекта коллективного, в культуре модерна коллективный субъект образуется автономными личностями [Беляева 2007: 444–445]. С точки зрения академика А.А. Гусейнова, в истории культуры многократно видоизменялись и влияли друг на друга две исторически различные конфигурации стилей поведения и состоя-

ния общественных нравов, происходящие из индивидуально-личностной и безлично-объективированной форм нравственности, — *аристократической формы* (человек сам себе господин, нравственно самодостаточная личность) и *мещанской формы* (человек смотрит на себя глазами других, следуя самодисциплине в соответствии с принятыми в своей среде моральными представлениями) [Гусейнов 2014: 21–23]. Не является ли «новая этика» очередным вариантом сочетания личного и безлично-го, «аристократического» и «мещанского», — как в становящихся стандартах поведения, так и в меняющихся оценках?

В дискуссиях о «новой этике» присутствуют два основных подхода. Один подход касается самого термина. Здесь чаще встречается критическое отношение. Скажем, информационно насыщенное, разностороннее рассмотрение концепта «новой этики» Эллой Россман с точки зрения истории понятий завершается выводом о непродуктивности этого концепта⁵. Другой подход связан с попыткой — на основе разнообъёмных кейсов — определить специфику этого понятия. Как отмечается в недавнем обзоре экспертных мнений⁶, трактовки феномена расходятся: нет «новой этики», есть новая ситуация (Оксана Мороз); «новая этика» — это новая гласность, новая солидарность (Дарья Литвина); «новая этика» — это пересмотр правил и норм взаимоотношений во всех сферах жизни, пересмотр доминирующей и устоявшейся нормы (Надежда Нартова). Есть и радикальное суждение: «новой этики» не существует — это «хорошо забытое старое»⁷.

² Понимая под «моралью» (моральями) господствующие правила предпочтения эпох и народов, а не их философское отображение, М. Шелер указывал, что resentment набирает наибольшую силу при определении «морали» в целом: лежащие в её основе правила предпочтения извращаются — и то, что раньше было «злом», кажется «добром» [Шелер 1999: 68].

³ Карпович В.Н. Существует ли новая этика? Ответ на вопрос электронного издания «Наука в Сибири». — 2020. — 4 дек. — URL: <http://www.sbras.info/public-reception/question/sushchestvuet-li-novaya-etika>

⁴ О необходимости создания новых этических стандартов для разработчиков новых технологий см.: [Пенн, Файнман 2019: 374–377].

⁵ Rossman E. Как придумали «новую этику»: фрагмент из истории понятий // Сигма: платформа для публикации текстов о человеке, культурных явлениях и обществе. — 2020. — 27 сен. — URL: <https://syg.ma/@ella-rossman/kak-pridumali-novuiu-etiku-fragment-iz-istorii-poniati>

⁶ Горшенина Н.М., Тераева К.Х., Слуцкая Ю.А. Открытый вопрос: гайд по миру новой этики. — Санкт-Петербург: НИУ ВШЭ, 2020. — URL: <http://mmbook-hse.ru/books/41/>

⁷ Савина А. Хорошо забытое старое: Почему «новой этики» не существует // Wonderzine: Интернет-сайт для девушек о стиле, красоте и развлечениях. — 2020. — 16 июл. — URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/251333-new-or-old>

Моральный «сбой», наблюдаемый в любую переходную эпоху, требует то ли залатывания образовавшихся прорех, то ли «капитального ремонта» (с проработанным проектным решением). Эрих Нойманн ещё в 1949 г. в работе «Tiefenpsychologie und Neue Ethik» предложил объяснение причин обновления этики «изменением основного психического состава современного человека» [Нойманн 1999: 26] и более глубокими результатами психологических исследований. Как отмечал в Предисловии к книге Нойманна К.-Г. Юнг, в связи с расширением границ современной психологии и благодаря исследованиям бессознательных процессов возникла совершенно новая ситуация, в которой существует неотложная потребность вновь сформулировать этическую проблему [Нойманн 1999: 10].

Старые религиозно-этические ценности утратили власть над человеком, из-за чего он оказался в опасном положении. Переживающие это положение как личную проблему ищут выход самостоятельно, иногда обращаясь к «теории» и становясь, по меткому замечанию А.А. Гусейнова, сами себе компетентной инстанцией [Гусейнов 2014: 21].

По Нойманну, «новая этика» возникает из нового научного (а не религиозного) понимания источника зла в концепции «теневого личности». «Тень» воплощает в себе низшую телесность, олицетворяет уникальность и эфемерность нашей природы, составляя в то же время «центральную структуру нашей индивидуальности» [Нойманн 1999: 38–39]. Независимо от пола и психологического типа, каждый имеет «тень» и осуществляет низшую деятельность. Признание своего несовершенства составляет исключительно трудную задачу. «Новая этика» основана на стремлении осознать позитивные и негативные силы в человеческом организме и осознанно установить взаимосвязь между этими силами и жизнью индивида и общества [Нойманн 1999: 82, 96]. Поскольку важными элементами этического решения являются «внешняя и внутренняя констелляция, психологический и конституциональный тип, возрастной и индивидуальный состав», то хорошее для одного человека, плохо для

другого, и наоборот, и поэтому каждое этическое решение «принимает иной вид» [Нойманн 1999: 110].

Многогранность ситуации делает абсолютно неосуществимыми любые теоретические предписания для этического поведения, оставляя индивиду ответственность за сделанный выбор. Основным требованием «новой этики» является не борьба добра и зла внутри индивида, не «добро-победность» индивида, подавившего в себе зло или вытеснившего его, а его психологическая независимость и защищенность от психологических воздействий. Проходит ли жизнь в борьбе с собой (со «злом» внутри себя) или в принятии себя (ведущем к гармонии внутри и с внешним миром) — это личный выбор.

Старая религиозно регламентирующая этика уходит. Дело не в том, как отмечает К.А. Свасьян, что у человека научно отняли Бога (или Мировой разум) и оставили один на один с грехом, а в том, что от человека продолжали требовать быть моральным, то есть бороться со своей природой [Свасьян, 2014: 134]. Неклассическая парадигма осмысления моральной проблемы не просто предполагает реабилитацию телесности, которая веками считалась источником греха и скверны, а именно в ней усматривает исток морали. Эволюция, протекающая внутри индивида, расширяет сознание до сферы бессознательного (=отсутствие сознания), то есть — в конечном счёте — телесного. «Моральный инстинкт», «сознательно-мышечная реакция» — непосредственное, а не в режиме императивов и заповедей, переживание очевидностей. Жизнеспособная мораль должна быть фактической, такой, где нет общего, а есть только лично-индивидуальное [Свасьян 2014: 140–143]. Новая этика (моральность) здесь — новый путь обоснования действительности личного выбора. Возникает вопрос: сколько времени потребуется для достижения нами такой зрелости, чтобы подчиняться не животному-общему началу и общественно-общим шаблонам, а таким самим себе, какие сами будем в состоянии определять меру и смысл нравственности? [Свасьян 2014: 137].

Наступление такой зрелости затрудняется «родительским контролем», пере-

водящим тревогу о моральном здоровье вверенных государству «детей» в юридическую плоскость, из чего обычно проистекает боязливое подчинение нормам, нарушение которых влечёт административные или уголовные последствия. А это меньше всего способствует нравственному саморазвитию человека.

Репрессивный характер традиционной морали, опирающейся на религиозные и идеологические принципы, ведёт к тому, что она воспринимается пассивно и автоматически, загоняя в подсознание подавленные инстинкты, где образуется «дьявольский котел». Причиной всему этому является переоценка сбившимся с пути эволюции человеком факта наличия у него мозга (что само по себе не является залогом мудрости) [Соммер 2013: 24]. По мнению Дарио Саласа Соммера, для реализации возможностей достижения человеческого совершенства, стирающего из психики следы животного происхождения, необходимо снова обрести путь эволюции. Важнейшие качества, которые способен развить в себе человек, находятся еще в латентном состоянии. Для их реализации предлагается физика морали (*física moral*), позволяющая осознанно взаимодействовать с Природой «повсюду во Вселенной», не подавлять свои инстинкты, а признать их и удерживать в своем сознательном «я», работать над ними, согласиться с тем, что они существуют, хотя и не соответствуют высшему этическому поведению».

Физика морали — это метод психической тренировки, позволяющий увидеть нашу низшую природу, очистить и воспитать её, превратиться в людей без вины и греха, свободных от страха перед божьим гневом [Соммер 2013: 13–14]. Короче говоря, предлагается изменить жёсткость оценочных суждений относительно зла, источник которого, так или иначе, находится в человеке.

«Новая этика» в её отношениях к традиционной этике

«Новая этика» предстаёт как антагонист старой (традиционной) этике. Новое в ней — чуждая сложившейся традиции

повестка, акцентирующая устоявшиеся то ли греховные, то ли болезненные, то ли «неприличные» определения Другого как не соответствующие «естественной» норме. Её можно расценивать как специфический способ восстановления утрачиваемой идентичности. «Новая этика» обращена к оценке личного прошлого: независимо от того, стали ли твои прошлые грехи достоянием гласности, «новая этика» может принудить осмыслить не столько своё прошлое, сколько самого себя. Отклонение от общественных норм обоюдоостро: оно опасно для стабильности общества — подрыв общезначимого правила может развалить скрепляющую его систему правил, но для «нестандартного» индивида выпадение из принятых социумом норм может повлечь социальное отторжение.

Проблему соотношения «новой этики» со старой можно обозначить конкретизацией оснований последней — фиксирующей и передающей через семью и общество наработанный поколениями опыт человеческого общежития. Опыт транслируется деонтически, то есть посредством предписывающего характера норм (независимо от того, освящены ли они религией).

В переменах, происходящих в повседневном поведении, можно рассмотреть разрушение одних стереотипов культурно одобряемого и появление других. Усвоенное индивидом в процессе социализации по мере его самоопределения и поиска идентичности выступает точкой отсчёта, но не руководством к действию. «Новая этика» противопоставляется «старой», как «новая реальность» противостоит «старой».

Можно предположить, что появление «новой этики» в качестве коррелята «новой реальности» обусловлено давлением «третьей волны» (в терминологии Э. Тоффлера [Тоффлер 2004]). «Новую реальность» можно интерпретировать в этой терминологии достаточно широко, как интерференцию всех трёх волн. Не случайно в основании негативного восприятия «новой этики» — опасение, что она нарушает «традиционные ценности», имеющие привычную систему ориентиров, подрывает безусловность авторитета религии как подательни-

цы всевозможных жизненных нормативов, дискредитирует лозунги-слоганы, типа «раньше думай о Родине, а потом о себе», «искусство принадлежит народу» и т. п.

Отметим ещё одну немаловажную деталь, связанную с «цифровой революцией». Как известно, труд является несомненной традиционной ценностью. Его назначение — обеспечение базовых потребностей, а также и видимое включение человека в общее дело. Современные научные достижения и технологии принесли в эту область неведомые прежде социальные проблемы. В частности, «третья волна» приносит не только высвобождение человека из сферы тяжелого физического труда, но и снижает долю работающих на «общее благо». В перспективе вырастет «класс» экономически бесполезных формально безработных людей. «Как мы будем жить в мире, где больше не стыдно быть бездельником?» — одна из тем, поднятых на сайте N+1⁸.

Цифровая эпоха трансформировала рынок труда, сузив круг привычных профессий и сделав запрос на новые (стример, tinder-коуч, пикчер, SMM-manager, видеоблогер). Однако чем «традиционнее» общество, тем сложнее оно переносит перемены, кажущиеся ему бессмысленными и разрушительными. Простое перенесение цивилизационных достижений в другие пространства не влияет с необходимостью на менталитет, формируемый вековыми ценностями. Традиционная ценность труда, рожденная из внешних индивиду обстоятельств, постепенно становится нереализуемой, а старая этика труда «в поте лица своего» размывается. Но работа, перестающая быть вынужденной, становится самоценным способом самореализации личности.

Как социальное существо, индивид не может исключать себя из социальной среды даже в случае, когда она его не устраивает: как правило, он склонен договариваться (по крайней мере, с ближайшим окружением). Часто условием (или путём)

к подобным «переговорам» становится акцентированная самопрезентация, распространение информации, стимулирование обсуждения. Но работа с «социальными корнями» — длительный и неочевидный процесс. Поэтому чаще всего реализуется паллиативное политкорректное решение проблемных ситуаций «на словах» (в том числе, в прямом смысле — «афроамериканец», «человек с особыми потребностями» и т. п.) или путём введения определённого словесно-поведенческого этикета (например, этикетное использование феминитивов за рамками среды, в которой они являются естественными проявлениями языка). Это — наиболее бросающаяся в глаза сторона «новой этики».

Однако если «новая этика» — это правила поведения (основанные на новом понимании общественной проблематики), то это не этика, а этикет. В отличие от того этикета, который генетически связан с мифоритуальной традицией [Байбурин, Топорков, 1990], «новый этикет» больше тяготеет к манерам поведения [Хэзлит, 2019: 84–89]. Из-за перестратификации традиционного социального уклада происходит утрата стратовых и межстратовых этикетных навыков. Глобализация и современное «переселение народов», вынужденное перемещение миллионов человек, также способствуют размыванию символической вселенной этикета, а владение языком своего этикета не означает возможность адекватного считывания содержания этикета Другого. Позитивное в основе желание не вторгаться в пространство Другого может быть «считано» Другим отрицательно — как нежелание коммуникации.

Если принять базовую идею о Добре и Зле как содержании этики, формирующем бинарную модель мира, то новизна «новой этики», возможно, заключается в субъективизации обоих понятий (*новая и этика*), в переносе акцентов от соотношения индивидом себя с принятыми моральными нормами на личный нравственный выбор и личную ответственность. Личная «кон-

⁸ Давыдов И. Как мы будем жить в мире, где больше не стыдно быть бездельником? // N+1: Интернет-издание. — 2019. — URL: <https://etika.nplus1.ru/leisure/redcol>

цепция» добра и зла, должного и (воз)можного входит в личную шкалу нравственных координат, определяющих нравственность поступков, слов и помыслов. Мужество, необходимое для личностной оценки ценностей, в которой декларируется независимость от коллективных ценностей в вопросах добра и зла, составляет одно из самых трудных требований, предъявляемых к индивиду «новой этикой».

Заключение

Императивом «новой этики» можно считать актуализацию установки «человек есть мера всех вещей» и противопоставление этой установки восприятию мира сквозь призму деления на добро и зло. «Новая этика» вводит в нравственную проблематику лекала оценок новых сто-

рон социальной жизни человека. Человек «здесь и сейчас» выступает как абсолютная ценность. Но именно это оказывается критическим пунктом отношения к «новой этике», мотивом её неприятия, поскольку установки «новой этики» побуждают к переходу от издавна постулированного теоретического признания ценности человека к реальному воплощению этой установки в противоречивых условиях жёсткой социальной реальности. «Новая этика» выступает как встреча/вражда в современном обществе безличного культурного бессознательного и его индивидуально-субъективного реформирования в оценках и поведении. Тем самым «новая этика» как бы ставит **социальный диагноз** нынешнему обществу, обнаруживая степень его (общества) готовности/неготовности к нравственному развитию.

Список литературы:

- Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла. — Санкт-Петербург: Machina, 2006. — 126 с.
- Байбурун А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: этнографические очерки. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1990. — 167 с.
- Беляева Е.В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности. — Минск: Экономпресс, 2007. — 464 с.
- Гусейнов А.А. Нравственность в свете негативной этики // Мораль: разнообразие понятий и смыслов. — Москва: Альфа-М, 2014. — С. 13–34.
- Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 417 с.
- Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. — 206 с.
- Пенн М., Файнман М. Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. — Москва : Альпина Паблишер, 2019. — 430 с.
- Свасьян К.А. Будущее морали // Мораль: разнообразие понятий и смыслов. — Москва: Альфа-М, 2014. — С. 131–143.
- Соммер Д.С. Мораль XXI века. — Москва: Кодекс, 2013. — 480 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. — Москва: ООО Фирма «Издательство АСТ», 2004. — 781 с.
- Хэзлит Г. Основания морали. — Москва: Мысль; Челябинск: Социум, 2019. — 539 с.
- Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. — Санкт-Петербург: Наука; Университетская книга, 1999. — 231 с.

References:

- Badiou, A. (1993) *L'éthique: essai sur la conscience du mal*. Paris: Hatier. (Russ.ed.: (2006) *Etika: Oчерk o soznanii zla*. Saint Petersburg: Machina Publ.).

- Bajburin, A. K. and Toporkov, A. L. (1990) *U istokov etiketa: Etnograficheskie Ocherki [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Beliaeva, E. V (2007) *Metamorfozy nrvstvvennosti : dinamika istoricheskikh sistem nrvstvvennosti [Metamorphoses of Morality: Dynamics of Historical Moral Systems]*. Minsk: Ekonompress. (In Russian).
- Guseynov, A. A. (2014) 'Nrvstvvennost' v svete negativnoj ehtiki [Morality in the Light of Negative Ethics]', in *Moral': raznoobrazie ponyatij i smyslov [Morality: A Variety of Concepts and Meanings]*. Moscow: Alfa-M Publ., pp. 13–34. (In Russian).
- Hazlitt, H. (1964) *The foundations of morality*. Princeton, NJ: D. Van Nostrand. (Russ.ed.: . (2019) *Osnovaniya morali*. Moscow: Mysl' Publ.; Chelyabinsk: Sotium Publ.).
- Mason, P. (2015) *PostCapitalism: a guide to our future*. London: Allen Lane, an imprint of Penguin Books. (Russ.ed.: (2016) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu*. Moscow: Ad Marginem Press).
- Neumann, E. (1949) *Tiefenpsychologie und neue Ethik*. Zürich: Rascher. (Russ.ed.: (1999) *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika*. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ.).
- Penn, M. J. and Fineman, M. (2018) *Microtrends squared : the new small forces driving the big disruptions today*. New York ; London: Simon & Schuster Paperbacks. (Russ.ed.: (2019) *Mikrotrendy, menyayushchie mir pryamo sejchas*. Moscow: Alpina Publisher).
- Scheler, M. (1955) *Das Ressentiment im Aufbau der Moralen*. Bern: Francke. (Russ.ed.: (1999) *Resentiment v strukture moralej*. Saint Petersburg: Nauka; Universitetskaya kniga Publ.).
- Sommer, D.S. (1998) *Moral para el siglo XXI*. Madrid: Xistral Editores. (Russ.ed.: (2013) *Moral' XXI veka*. Moscow: Kodeks Publ.).
- Svas'ian, K. A. (2014) 'Budushchee morali [The Future of Morality]', in *Moral': raznoobrazie ponyatij i smyslov [Morality: A Variety of Concepts and Meanings]*. Moscow: Alfa-M Publ., pp. 131–143. (In Russian).
- Toffler, A. (1980) *The third wave*. London: Collins. (Russ.ed.: (2004) *Tret'ya volna*. Moscow: AST Publ.).

Информация об авторах

Ирина Александровна Тульпе — доктор философских наук, доцент кафедры философии ЛГУ им. А. С. Пушкина. 196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10. (Россия)

Михаил Юрьевич Смирнов — доктор социологических наук, профессор кафедры философии ЛГУ им. А. С. Пушкина. 196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10 (Россия).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Irina A. Tulpe — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605 (Russia)

Mikhail Yu. Smirnov — Doctor of Sociology, Professor at the Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoye Shosse, Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.01.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 21.03.2022.

The article was submitted 02.01.2021; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 21.03.2022.